

Елена Аскарьевна Драпкина
Санкт-Петербург
Россия
Интервьюер – Вера Поставинская

Елена Аскарьевна, здравствуйте! Я хочу побеседовать с Вами об истории Вашей семьи. Расскажите, пожалуйста, о своих родителях, бабушках, дедушках, кем они были, где родились. Расскажите, пожалуйста, что вы помните.

Я родилась в 1924 году в городе Минске в семье Ошера Гиршевича Левина.

О своих прабабушках и прадедушках я ничего не знаю, бабушка и дедушка со стороны отца умерли еще до моего рождения, а с маминой стороны бабушка умерла в 1934 году, ее звали Дина-Рейзл Хаютовская (по мужу), она вела домашнее хозяйство, у нее было десять детей, семь дочерей и три сына. Дедушка один работал, у него был небольшой магазин. Материальное положение семьи было не очень хорошим. Все дети хотели учиться, но учить всех в царское время они не могли, во-первых, была 5% норма, а во-вторых, мне рассказывал тети, что самые старшие, моя мама и тетя Маня закончили гимназию в Минске, жили в Минске и все родились в Минске.

Дедушка был очень набожный человек, он никогда нигде не обедал, так как нигде не соблюдался кошрут. Мои родители не соблюдали кошрут. Единственная из наших родственников, моя тетя Соня, жила с дедушкой, и она соблюдала все правила и кошрут. Она была не замужем. Когда она вышла замуж, она тоже все соблюдала все для дедушки. Две дочери, мои тети, уехали в Москву учиться, а тетя Соня осталась жить с бабушкой и дедушкой. Бабушка в 1934 году умерла. Дедушка был очень набожный человек, соблюдал все традиции, ходил в синагогу. Три дочери, моя мама, тетя Маня и тетя Соня закончили гимназию, еще одна тетя вышла замуж и уехала в Киев, закончила там фармацевтическую школу и стала фармацевтом, а остальные дети учились в приходской школе. Тетя Соня решила ходить на занятия в фармацевтической школе вместо уехавшей сестры, и ей там сказали: «Хаютовская, вы воруете у нас уроки». Это потом мне рассказывали в семье.

Расскажите пожалуйста о своих родителях.

Папа - Левин Ошер Гиршевич, но на работе его называли Оскар Григорьевич, он работал учителем еврейского и русского языка, а когда я была в восьмом-девятом классах, он пошел работать бухгалтером. Здоровье у него было не очень хорошее. Мама работала в горисполкоме, в общем отделе.

В нашей семье было трое детей: старший брат Гирш по дедушке (Гриша), 1920 года рождения, затем я, Лена, 1924 года рождения и младший братик Саул, 1929 года рождения. Все мы учились. Перед войной я закончила девятый класс и началась война. Во время учебы в третьем и четвертом классе я занималась на детской технической станции, попыталась выращивать хлопок (канатник по-белорусски), он у меня не созрел но вырос большой, ему тепла не хватало. В доме правительства была выставка, там он был представлен.

Мы жили у реки, я рано научилась хорошо плавать, когда я была в 6-7 классе и мы сдавали на значки БГТО (Будь готов к труду и обороне), меня увидел тренер ГОРОНО и предложил заниматься плаванием, я согласилась. Уже тогда в Минске был единственный бассейн в доме Красной Армии, я начала заниматься стилем брас в обществе ГОРОНО. У меня были рекорды Белоруссии в этом разряде, было 6-ое место по Союзу в разряде девочек моего возраста ~ 12 -14 лет, я участвовала во всесоюзных соревнованиях пяти городов в Киеве и во всесоюзных соревнованиях в Тбилиси, это был 1939 год. Нас собрали со всех республик.

Попутно я занималась во Дворце пионеров в драматическом кружке, где и познакомилась с Машей Брускиной. Так прошло детство. Детство у меня было не очень тяжелым, мама все время работала. Видимо папа не мог всех на четверых содержать. Перед войной старший брат учился, а потом ушел в армию и был где-то в частях, больше я о нем ничего не знаю, по сей день. Я писала во всесоюзный розыск после войны, мне ответили, что среди погибших, умерших от ран, пропавших без вести, не числится. Так я о нем ничего и не знаю. Младший брат погиб в Минском гетто.

До войны Минск был прекрасный городок, если не ошибаюсь 300 тысяч жителей, в гетто погибло 100 тысяч евреев, но это вместе с теми евреями, которые приезжали из других мест.

Много ли было евреев в Минске, примерно, по Вашим представлениям какую часть они составляли?

По моим представлениям примерно половину жителей. В нашем дворе было несколько семей, в моем окружении были евреи.

Соблюдались ли какие-то еврейские традиции?

Нет, в нашем доме никто ничего не соблюдал. Привилось все советское.

Мне запомнилось, как до войны был построен на Широкой улице театр оперы и балета, здание театра сохранилось после войны. Я жила между рекой Свислочь и театром оперы и балета. Это была бывшая Белоцерковная улица, а уже в советское время она называлась Краснознаменной улицей.

Опишите, пожалуйста, Ваше жилище в Минске до войны. Был ли у Вас водопровод, электричество?

Электричество было. Это был двухэтажный дом, мы жили на втором этаже. Низ был кирпичный, а верх деревянный. У нас было две комнаты. Водопровода не было, я ходила за водой, туалета не было, электричество было только в одной комнате и я помню, как проводили электричество во вторую комнату.

Скажите, помните ли вы в период Вашего детства какие-то проявления антисемитизма в школе, на улице во дворе?

В то время это преследовалось. Я на себе этого не испытывала, рассказывали, что какой-то мальчик назвал другого «жидом», но это пресекалось, вызывали в школу родителей и разбирались. По воспоминаниям, это не было ярко выражено. А в 1937 г. это ощущалось, когда преподавателей убивали.

Были ли в городе какие-то праздники, парады, может быть, Вам помнятся какие-то песни, Вы можете напеть их?

Нет петь я не буду. Когда по радио передают военные песни, я с удовольствием слушаю. Я выросла в пионерских лагерях, так как мои родители не могли снимать дачу на лето. Я ездила в пионерские лагеря от маминой работы, от папиной работы, от школы. За лето я бывала в трех лагерях. В лагерях было плохо с питанием. Я помню в 1934 году, мне было 10 лет, как папа приехал навестить меня в родительский день и привез две буханки хлеба, и это был праздник. Были очень большие интервалы между едой. Дети недоедали, но было довольно весело. Воспитатели, пионервожатые забивали нам голову всякой патриотической пропагандой.

Был ли в городе рынок, кто туда ходил, были ли какие-то постоянные торговцы?

Возле нас был Конский рынок, были и другие рынки. Да, в основном на рынок за продуктами ходила мама и брала нас с братиком. Было несколько рынков.

Помню, были так называемые «татарские огороды» и когда было плохо с продуктами, оттуда на саночках привезли мешок картошки. Это был 1934 или 1936 год.

Папа выписывал газету «РАБОЧИЙ», мне детский журнал «Мурзилка», газету «Пионерская правда», московскую, а еще была местная Белорусская пионерская газета, и в 1937 году там были такие статьи об изменниках Родины – Рыкове, Зиновьеве. Были парады перед домом правительства.

Расскажите, пожалуйста, о Вашей маме.

Мама родилась в Минске. Фамилия ее Хаютовская, звали ее Гинда Эльевна, но ее все звали Евгения Ильинична.

В вашей семье говорили по-русски или на идиш?

Мама с папой говорили на идиш между собой, а мы понимали, нас не учили писать и читать. Когда я пошла в первый класс, в Белоруссии еще были еврейские школы, а позднее их аннулировали и ребята, которые в них учились, пострадали, так как их вернули на класс назад. Маша Брускина ходила в еврейскую школу.

Расскажите, пожалуйста, о родителях, как они встретились, как познакомились, как состоялся их брак, был ли он устроен, проходила ли брачная церемония по обряду?

Не знаю, думаю, что было по обряду, потому что дедушка был религиозный человек.

Расскажите, пожалуйста, как у Вас проходила свадьба с первым мужем по обряду, когда это было?

Это было 9 августа 1946 года. Открыли маленькую синагогу, и у нас с мужем была свадьба, а вот как это было у моих родителей, я не знаю.

Одевались мы очень скромно. Детей одевали иногда на вырост. Основное внимание уделялось тому, чтобы детей накормить и выучить.

По тем временам у нас была хорошая квартира. Мы жили на втором этаже, куда вела железная лестница. Квартира состояла из трех комнат, в одной комнате жила соседская семья, муж, жена и ребенок, а наша семья занимала две большие смежные комнаты, большую столовую, где было 4 окна и большую спальню. Помню, как проводили радио. Воды не было. Отопление было печное, кухня была общей с соседкой, там стояла русская печка. А у нас в комнатах была кафельная печка. Квартира была угловая и прохладная. В спальне стояли четыре кровати и шкаф, в столовой был большой буфет во всю стену, диван. Потом купили никелированные кровати вместо деревянных. У нас был хороший двор.

Расскажите, читали ли у Вас в семье, светскую или религиозную литературу, ходили ли в библиотеку?

Религиозную литературу у нас не читали. У папы была библиотечка, были книги Чернышевского, Герцена. Мама читала меньше, потому что она работала, ей нужно было до работы все приготовить, с работы она приходила поздно, но папа ей очень помогал. Помню такой случай, мама пришла с работы и прилегла отдохнуть, а папа пришел и маму поцеловал на глазах у нас, детей, и это был такой воспитательный момент. Папа много читал, много знал, руководил нами. В районную библиотеку мы не ходили, но в каждой школе была библиотека, там мы брали книги и читали их.

Расскажите, пожалуйста, соблюдались ли какие-то еврейские традиции в семье родителей?

Традиции не соблюдались, но на песах приходил дедушка и приносил мацу и какое-то очень вкусное вино и просил нас всех пригубить.

Когда мы были в гетто, дедушка пришел, видимо это был Йом Кипур, и сказал маме: «Геня, ты сегодня не давай детям кушать хотя бы до двенадцати часов». У нас тогда была только крупа с водой. Мама сказала, что дети и так голодные. Дедушка просил, чтобы как-то надо дотерпеть до двенадцати часов. Я это слышала, но тогда я не понимала, а теперь я понимаю, что это был Йом Кипур и кушать нельзя.

Расскажите о политических взглядах Ваших родителей, были ли они членами политической партии?

Нет, мои родители не были членами партии. Об их политических взглядах я не знаю, потому что на эту тему нельзя было говорить. Единственное, что я помню, это моего учителя истории Тимофея Тимофеевича. Мы его очень любили его, а в школе сказали, что он был врагом народа, шпионом. Это было такое время. Потом у нас стала преподавать Рива Абрамовна, директор школы, тоже хороший историк.

Имели ли Ваши родители к военной службе?

Нет, не имели. Папа был видимо белобилетником. У него было очень плохое зрение, он с детства все время был в очках.

Расскажите, пожалуйста, о Ваших соседях. Были ли среди них евреи?

Насколько я помню, на первом этаже жили русские семьи, они соблюдали православную пасху, а во дворе у нас жили евреи.

С кем дружили Ваши родители, с родственниками, соседями, коллегами по работе, с членами еврейской общины?

В отношении общины я не знала тогда ничего. Дедушка ходил в синагогу и там видимо общался с членами общины. Мои родители в синагогу не ходили. Мои родители были очень заняты, много работали, и у них особенно не было времени для общения. Был такой случай, когда они пошли в театр, а мы с братиком остались дома и мы уснули. Замков тогда не было, а были такие завалы. Я закрыла дверь на завал. Родители вернулись из театра и не могли попасть домой, принесли лестницу, открыли форточку на втором этаже и через окно попали домой. Когда я была постарше, мы ходили на спектакли еврейского театра, который был тогда в Минске. Помню спектакль «Тевье Молочник». Еще до войны театр закрыли. Мы ходили в гости и в русские семьи. Помню мама пекла в русской печке.

Уезжали ли Ваши родители куда-то в отпуск? Брали ли с собой детей?

Не помню, может быть, когда мы были совсем маленькими. Я ездила летом пионерские лагеря, а младший братик ездил на дачу с детским садом. Мама все время работала, поэтому как-то я навещала братика в детском саду.

Расскажите, пожалуйста, о родственниках Ваших родителей.

У папы было еще два брата. Младшего звали дядя Толя, а имени старшего не помню. Старший брат был провизор, работал в аптеке. У младшего брата была жена и сын Миша Левин, кем он работал, я не знаю. Его жена, тетя Рахиль, окончила гимназию вместе с моей мамой. Они все жили в Минске. Во время войны, в гетто, все три брата жили в одной 14-метровой комнате.

У мамы было 7 сестер и 3 брата. У нас было много двоюродных братьев и сестер, мы все очень дружили. Дедушка нас всех очень любил, и мы обожали дедушку. Он с нами много

играл. Две мамыны сестры, тетя Марьяся и Малочка жили в Москве, у них были свои семьи, остальные жили в Минске, мамин брат, дядя Давид с семьей, дядя Миша и Шейл не были женаты. Тетя Поля жила в Киеве, была домохозяйкой. У нее было двое детей. Ее муж был главным ревизором Белоруссии. Его звали Лазарь Хаютин. Еврей был главным ревизором Белоруссии. Они с детьми Бертой и Сарой эвакуировались в Казахстан. Там дяде дали бронь, так как он был крупным специалистом. После войны я вернулась в Минск и после партизанского отряда работала в горисполкоме и прислала им вызов. В 1945 году они приехали в Минск.

Расскажите о том, как Вы ходили в детский сад и как Вы пошли в школу.

Я ходила в детский сад, потом пошла в 34-ую школу на Широкой улице, а потом нас перевели в 21-ую Сталинскую школу. Старший брат учился, у него было хобби, он любил танцевать, мало бывал дома. А я с младшим братиком, Саульчиком, была дома и помню, как мы строили паровозы из стульев. Поскольку родители были заняты работой, то я все время бывала с младшим братом.

Расскажите о школе, какие у Вас были любимые предметы, любимые преподаватели?

У нас были очень хорошие преподаватели. Преподавание шло на смешанном языке, слово по-русски, слово по-белорусски. Географию у нас преподавал узбек, а русский язык преподавала грузинка. Историю преподавала супружеская пара Рубинчики, иногда преподавал он, иногда она, они очень интересно рассказывали.

Очень хорошо преподавал физику наш классный руководитель Яков (? Моисеевич)

Мельцерзон, не помню его отчества. Все ребята прекрасно знали физику, у него невозможно было не знать. С теми учениками, кому это было нужно, он оставался и занимался дополнительно. Когда после войны я приехала в Ленинград, мне нужно было сдать два экзамена, русский язык и физику. При поступлении в зубоветеринарную школу я шла вне конкурса, как участник войны. Я четыре года не занималась, пока шла война, и на подготовку у меня был всего один месяц, но я успешно сдала экзамен. Недавно я читала биографию последнего лауреата Нобелевской премии по физике (Виталия Гинзбурга), где он пишет, что он учился в школе в Минске и любовь к физике ему привил Мельцерзон. Так что я была очень горда этим.

В школе у нас учились евреи, русские, украинцы. Когда мы были в гетто, но еще не были окружены колючей проволокой, ко мне приходили мои подруги, Варя Солоненко, Зина Иванова, Валя Андреева. Был такой случай, когда Варя приходила навестить меня в гетто, и я вышла проводить ее. Вокруг гетто стояли столбы и на столбах было написано «ВХОД НЕ ЖИДАМ ЗАПРЕЩЕН», тоже было написано и на немецком языке. Мы с Варей стояли с разных сторон границы гетто, в это время появился немец, он видел, как Варя выходила из гетто. Он подошел к ней и сказал: «Ты что сумасшедшая? Куда ты ходишь?». Она была блондиночкой, он подвел ее к столбу и сказал: «Читай! Поняла?» Потом он крикнул: «На хаузе!».

Когда я пришла домой и рассказала об этом маме, мама потребовала, чтобы девочки ко мне больше не приходили, потому что если что-то случится, их родители будут недовольны.

У меня были хорошие друзья: Маша Плоткина, ее семья успела эвакуироваться, в гетто я встретила Винитского, он видимо погиб, Фиму Месселя (по отцу), во время войны он взял фамилию мамы, позднее он был диссидентом.

Расскажите еще раз о младшем брате.

Саул, 1929 года рождения, ходил в детский сад, погиб в гетто вместе мамой.

Как началась война, как изменилась Ваша судьба с началом войны?

В 1941 году я закончила 9 классов. В июне началась война. На второй день бомбили Минск и затем в город вошли войска. 24 июня была страшная бомбежка Минска. У нас был сосед Шура Богданович, у него жена была еврейка – Дора, у них было двое маленьких детей. Шура приехал на машине, забрал свою семью, Дориных родителей, Левковичей, нашу семью и семью Боровых. Минск горел, было очень дымно, и он отвез нас от пожарища, как оказалось навстречу немцам. Нужно было выбирать, чтобы выбраться из Минска, из дыма. Мы приехали в Острашицкий городок, где были дней 10, там шли страшные бои, а потом пришли пешком обратно в Минск.

Наш дом разбомбили. Около Широкой улицы был военный госпиталь, там разложили полотно с красным крестом, думали, что немцы, как цивилизованные люди, госпиталь не будут бомбить, а они использовали крест в качестве мишени и разбомбили госпиталь.

Мы пришли к бабушке. Он, тетя Соня и двое маленьких детей не могли уйти во время пожара из Минска, но они уцелели, вокруг все дома сгорели и только дом, где были тетя Соня и бабушка уцелел. Когда я спросила у тети Сони, как они спаслись, тетя Соня ответила: «Лена, ты же знаешь, что я верю в бога, я была уверена, что бог нас не оставит». Они завесили окна мокрыми простынями и так спаслись. Муж тети Сони, Моисей, был на Ленинградском фронте, они переписывались, но в конце войны письма перестали приходить, видимо он погиб. Бабушка поселил нас в квартиру дяди Давида на улице Немиго, она уцелела при бомбежке, семья дяди Давида эвакуировалась, а ключ от квартиры был у бабушки, ему его оставила семья дяди Давида, когда они эвакуировались. Граница гетто шла по улице Немиго, к сожалению, наша сторона улицы в последний момент отошла к русскому району, а вторая сторона вошла в гетто.

Уточните, пожалуйста, с чего началось образование гетто.

Немцы вошли в город, и написали, что все евреи должны собраться в один район и указали в какой. Те евреи, которые жили в районе, указанном немцами, оставались в своих домах, а русские должны были выехать из этого района, начались обмены жилья. Наш дом отошел к русской стороне улицы. Поменять мы уже не успевали, а в гетто жил младший папин брат дядя Толя, у него была маленькая комната 14 м² и крошечная кухня 5 м² на первом этаже, они там жили втроем: тетя Рахиль, их сын Миша и дядя Толя. В таком же положении оказался и старший брат папы. В общем, все три брата с семьями оказались в этой крошечной комнатке, нас было 9 человек: папа, мама, я и младший брат Саульчик, семья дяди Толи из 3х человек и старший брат папы с дочерью, его жена умерла перед самой войной, то есть 9 человек.

А не явиться в гетто никак нельзя было, это каралось как-то?

За это полагался расстрел. И вот мы поселились. Пока гетто не было обнесено проволокой, мы еще как-то выходили, хотя это запрещалось. Жить можно было только на территории гетто. Первое время выходили, чтобы доставать какие-то продукты. Карточек у нас не было. Когда нас обнесли колючей проволокой, организовали биржу труда и люди пошли туда, в том числе пошли я, папа. Папа сразу погиб. Первая облава была 14 августа 1941 г., вторая облава была 28 августа.

Это что, ходили по домам?

Да, ходили по домам. Это были облавы на мужчин. 28 августа папа вышел на улицу и все. Папу забрали. Как-то уцелел старший брат папы. Дядя Толя пошел на Широкую улицу,

потому что было объявлено, что там требуются мужчины для работы, но это был сбор в концентрационный лагерь, он там пробыл пару месяцев и сумел оттуда сбежать. А 20 ноября он погиб вместе с моей мамой. 20 ноября 1941 года утром я еще лежала в постели. Я спала на столе, так как в комнате было очень тесно. Старший папин брат был очень набожный человек, и как я теперь понимаю, там евреи организовали молельный дом. Утром он хотел туда пойти, но его не выпустили из калитки русские полицейские. Среди полицейских были украинские и литовские легионы. Когда его не выпустили, он пришел обратно и сказал, что его выпустили. Мы все поняли, ведь 7 ноября погиб дедушка с тетей. Я сразу же вскочила, что-то на себя накинула и бросилась под лестницу, ведущую на второй этаж. Там мужчины сделали так называемую «малину», пространство, зашитое жестью и завешенное и тряпками. Я успела вскочить в эту малину. Там уже было полно народу, за мной туда еще успел вскочить сын дяди Толи - Миша. Немцы заходили в дома, прочесывали комнаты и всех выводили. Там мы просидели (простояли) сутки, среди нас была женщина с маленьким ребенком, и мы все боялись, чтобы ребенок не заплакал, и слышали все, что происходило вокруг, как ходят по лестнице, как мама говорила: «Одну минуточку, я пальто одену». Их увезли под Минск и там расстреляли. Я не могу себе представить, как я могла все это выдержать в течение суток.

Я слышала, как в какой-то момент прибежал дядя Толя, который был в лагере, взял лестницу и видимо хотел выйти из дома через второй этаж. Но упал и, видимо, сломал ногу и вполз в комнату, идти он не мог, поэтому вернулся в нашу комнату и когда пришли еще раз прочесывать дом, его прямо в комнате расстреляли. Когда мы через сутки вышли из нашего укрытия и с Мишей, сыном дяди Толи, вошли в комнату, то увидели дядю Толю мертвым. Находиться в этом доме было уже нельзя. В окно я увидела, что по двору идет Рахиль, я с ней и Машей Брускиной занималась во дворце пионеров в драматическом кружке, она жила в одном доме с моим дедушкой на Торговой улице. Я окликнула ее, а она рукой позвала меня к себе, у них в семье было трое детей, папа и папин брат с семьей. Ее отец был очень хороший сапожник, он работал у генерал-комиссара города и его оберегал немец. Когда мы с Мишей пришли к ним, мы там остались. Выйти из этого места было невозможно. Это было в границах гетто. Потом в этот район привезли Гамбургских евреев из Германии и поселили их в дома евреев, которых к тому времени уже уничтожили. Позднее, когда мы с ними разговорились, они рассказывали, что им говорили, что их везут в Палестину, а привезли в Минск. Они были в трансе, когда узнали, что их привезли в Россию. Поскольку отец Рахили считался специалистом, ему дали комнату, и мы с Мишей были с ними. Спать там было просто негде. Было место под столом, которое считалось хорошим, так как ночью, когда люди вставали было не страшно, что кто-то на тебя наступит.

Через день я пошла на биржу труда, меня взяли на работу на главный склад железной дороги, там было большое помещение, куда привозили из Германии мыло, мыльный порошок, метелки и другие товары. Нас было 19 девушек, мы должны были разгружать и загружать вагоны. Привозили и увозили нас на работу на машине, так как склад был далеко от гетто. Жили мы в гетто, возле кладбища. Многие евреи работали, каждый день на работу к генерал-комиссару города из гетто шла большая колонна. Так я осталась там работать и работала с конца осени и всю зиму. Работали не все. Было много женщин с маленькими детьми, стариков. Повторялись погромы. Еды не было, люди пытались менять на продукты то, что у них осталось. Там где я работала, с нами работали русские люди, нас кормили остатками от обеда немцев, но это была их добрая воля. Железнодорожники в основном были все пожилые люди. Старший по должности немец-шеф был лет 40. Его заместителем был старик, который иногда разговаривал с нами и говорил, что он пропитан еще духом Вильгельма, а не Гитлера. Иногда нам давали дрова

для печки. Был бензин, керосин, мыло, мыльный порошок. В гетто был рынок, и вот я продавала, например 2 куска мыла и покупала что-то съедобное. Жила я в комнате с двоюродным братом Мишей и с чужим пожилым человеком и его сыном. Потом Миша нашел свою тетю, сестру его мамы, у тети Рахиль были две незамужние сестры и они Мишу воспитывали. Тетя Рахиль погибла, а Мишу сестры забрали.

3 марта 1942 г. был страшный погром, на работе кто-то сказал, что в гетто сильный пожар. Мы попросили заместителя нашего шефа, старика, не везти нас после работы в гетто, но он сказал, что не может. Нас всех собрали на машину и повезли. При подъезде к гетто мы увидели, что у ворот с русской стороны собралось много народу, мы подъехали, нас выгрузили и поставили вдоль ограды с колючей проволокой, здесь же была охрана, убежать было невозможно. Было несколько оцеплений, а на входе немец проверял документы, у меня был пропуск, где значилось, что я работаю. Немец сортировал людей по колоннам. Все это очень долго продолжалось, наступила ночь, было холодно, светила яркая луна. Я посмотрела на все это, было где-то 3 часа ночи. В первой цепи поставили Гамбургских евреев, они держались за руки. Я подошла и прошла, подняв их руки. Я двигалась в сторону входа в гетто. Затем стояли поляки, опять прошла через цепь людей, подошла к немцу, который проверял документы, и получила по голове нагайкой. Немец пропустил меня в гетто, и я пришла в колонну наших мужчин, с которыми мы работали. Среди нас была Октя. (Октябрина). Там был человек по фамилии Голубчик. У него была дочь. Он спросил меня о ней, но я ничего не знала. Наконец скомандовали: «Наверх и по домам!». А на завтра на работу приехали все мужчины, а из девушек только я и Октя. Ее отец уцелел.

После этого я осознала, что надо как-то удирать. Но как? В самом начале, когда я разговаривала с Машей Брускиной, мы предполагали, что где-то есть подпольная организация. Маши в это время уже не было, ее повесили 26 октября.

Вместе со мной на складе работали электрики Чеховский и Виктор. Они были русские, но немцев ненавидели. На складе ко мне подошел Чеховский и сказал: «Лена, мы тебе дадим русский паспорт, но ты нас не выдашь?». Я принесла свою фотографию, а они от руки в паспорте сделали печать на моей фотографии. Мне дали паспорт на имя Ядвиги Александровны Скротской, 1920 года рождения, польки, но с моей фотографией. Потом, когда я была уже в партизанском отряде, я встретила Виктора, оказывается он и Чеховский, были связными партизанского отряда. Паспорт у меня был, но уйти я не могла, но жила с этим паспортом с апреля. 28.07 1942 года начался страшный погром и он продолжался несколько дней. После этого погрома я вышла из Минска.

Каким образом?

Со мной работала русская девушка Лена. Я попросила ее вывести меня из Минска. Другая девушка, Октя, уже уходила из Минска в западную Белоруссию. Но у нее в Минске осталась мама и сестра. Она поработала немного и решила спасти маму и сестру. Но мамы уже не было. Октя рассказывала, что в западной Белоруссии, на территории бывшей Польши, можно легко найти работу, там требуются женщины на полевые работы. У Лены там была сестра и поэтому я попросила ее проводить меня за пределы Минска. Она согласилась.

В 6 утра я вышла из гетто в колонне, которую вели на работу к генерал-комиссару города. Я вышла с ними, а неподалеку меня ждала Лена. Колонну конвоировал один немец, я незаметно вышла из колонны и пошла к Лене, сняла пиджак с желтыми латами и мы пошли к Лене домой, где она меня оставила, а сама уехала на работу. Мы переночевали у Лены, а на завтра рано утром мы с ней вышли из города и с 6 утра до поздней ночи шли к Лениной сестре 50 километров. Это было в июле. Сейчас я даже не

представляю, как мы это выдержали. На выходе их города у меня проверили документы: паспорт и справку на имя Скротской о том, сто я работаю на железной дороге. Эту справку мне сделала немецкая еврейка, которая работала у нашего начальства. Мы пришли поздно к Лениной сестре, нас накормили, и мы легли спать. Лена спала в доме, а меня отправили на сеновал. Утром меня покормили, запрягли лошадь и немного провезли, а потом показали дорогу, лес, через который я должна была придти в Западную Белоруссию. Ленина сестра развернулась и уехала. Я осталась одна на дороге в незнакомом месте. Все мое имущество было со мной. Я пошла вперед. Я никогда не видела, как растет малина, а тут вдоль дороги были кусты малины, и я ела ягоды. Иду и вижу хутор, я зашла, вижу трех мужчин и спрашиваю, по-белорусски, не требуется ли им дивчина по хозяйству. Пожилой мужчина сказал, что не нужно, они все делают сами, и что мне надо идти в Польшу и показал дорогу, рассказал, что я должна идти до ручья, это бывшая граница Польши до 1939 года. За ручьем - Западная Белоруссия и там надо искать работу.

Я поблагодарила, вышла, но вернулась назад и попросила показать мне дорогу. Старик вышел со мной и немного проводил меня. Он спросил, не еврейка ли я? Я сказала, что да. Он предупредил меня: «Боже тебя упаси сказать кому-нибудь, что ты еврейка. Никому не говори, паспорт есть и молчи». Он проводил меня, а я пошла дальше. Между прочим, я со всеми кто мне помогал, потом встретилась, я с этим человеком встретилась чисто случайно, когда я попала на этот хутор, он мне рассказал, что эти двое мужчин, которые сидели у него на хуторе погибли.

По пути меня немного подвез на подводе молодой человек и указал дорогу дальше. Я пошла и пришла на хутор, там сидели мама, дочка и сын. Меня спросили, откуда я. Все говорили по-русски, а я на белорусском языке. Я рассказала, что из Минска, спросили документы, я показала. Из документов было видно, что я работаю на главном складе на железной дороге. Оказалось, что сын там работал, он спросили, кого я там знаю? Я рассказала, назвала несколько фамилий. Я прошла проверку. Женщина попросила меня на другой день поработать в поле, жать овес, А через день обещала проводить меня дальше в Западную Белоруссию. Спать меня уложили не в доме, сказали, что по ночам ходят разбойники (партизаны) и что прошлой ночью они приходили. Днем мне дали серп, и я работала в поле, а потом хозяйка проводила меня. Я дала ей мыльного порошка, который был у меня с собой. Я боялась леса, потому что мне рассказали о разбойниках. Мы прошли через лес, вышли на поляну, подошли к двум косцам, отцу и сыну. Женщина, провожавшая меня, знала этих мужчин и предложила меня как работника. Мужчину звали Павел Булах. Он спросил у жены, не нужна ли им работница, спросил мои документы, а его жена согласилась взять меня. У них было трое детей Володя, Сережа и Ниночка. В моем паспорте на имя Ядвиги Скротской была отметка о том, что я замужем. Хозяйке я сказала, что умею делать все. Хозяйка решила начать с того, чтобы я доила корову. Я сказала, что давно жила в городе, для меня это была очень тяжелая работа и хозяева после меня потом додаивали корову. Я прожила у них месяц и у хозяина в соседней деревне умерла мать, они поехали на похороны, а я осталась дома с тремя детьми и вдруг бежит Ниночка и кричит: «А к нам идут партизаны». Я побежала в дом и спряталась за шкаф, и слышу, как у детей спрашивают, где родители. Оказывается, партизаны они уже не раз приходили на хутор и были знакомы с семьей моих хозяев. Ниночка рассказала партизанам, что родители уехали на похороны и добавила:

«А у нас есть дивчина».

Услышав это, я поняла, что нет смысла прятаться и вышла. Их было 5 человек. У меня опять спросили документы. Командир проверил прописку, где было указано, что я прописана в поселке Коминтерна, на другом конце города от моего места жительства. Командир сказал, что мы с ним соседи. Он стал задавать мне вопросы, на которые я не

знала ответа. Я призналась, что я еврейка и убежала из гетто. Я стала просить их, чтобы они забрали меня с собой, раз они меня разоблачили, так как я не знала, что теперь говорить хозяину. Среди партизан был один аид. Старший обратился к детям, чтобы они передали отцу, чтобы девушка жила на хуторе пока не придут партизаны и не заберут ее. Мне он сказал, что сейчас они идут на задание, а на обратном пути пообещал за мной зайти, и добавил, что если на пути с задания, когда они найдут за мной, меня не будет, то он сожжет хутор. С этими словами партизаны ушли.

Когда вернулись с похорон хозяева, девочка им рассказала, что я еврейка, а отец ответил, что он давно об этом догадывался. Я все это слышала. Тогда хозяин попросил меня рассказать все подробно о себе и назвать настоящее имя. Хозяйка тут же отметила, что тоже подозревала, что Ядя - не мое настоящее имя, потому что когда она меня звала, я не всегда откликалась.

Я рассказала, что у меня был паспорт другого человека, что я еврейка. Хозяин сказал, что он давно подозревал, что я еврейка, но сомневался, потому что у меня волосы были прямые, а не кудрявые и я не картавила. Я прожила у этих людей еще месяц. За мной никто не пришел.

Вдруг туда в лес возле хутора прилетела Московская десантная группа. Их было 8 человек, они пришли на хутор, и я им сказала, что я хочу в партизанский отряд, хочу отомстить за всех моих родных, ведь я одна осталась. Мне пообещали забрать меня. Так я попала в московскую десантную группу в сентябре-октябрь 1942 г. и с этого времени по июль 1944 г. я была в партизанах. Группа выросла в отряд, отряд в бригаду, бригада в соединение. Мы все время действовали одной местности. Наша база была в деревне Стайки. В 1943 г. я была ранена осколком миномета в спину в бою. Это было партизанское соединение, которым руководили из центра партизанского движения в Москве. Потом к нам пришел руководить чех Франц Дворак. Он попросил помочь организовать отряд. В отряде были женщины, Аня, жена начальника заставы, ее муж погиб сразу в начале войны, Женя, Катя, были семейные пары. После ранения я попала в госпиталь, который был в партизанском соединении. Там был очень хороший доктор Свистуненко. Он делал мне переливание крови, а потом меня отправили к моим бывшим хозяевам, хозяйка меня вылечила, эта семья лояльно относилась к партизанам и поддерживала их. Партизаны жили в землянках и зимой и летом, не раздеваясь. Госпиталь был в землянках, и в доме.

Я была комендантом самой удаленной от немецкого гарнизона деревни, но были и ближние деревни. Нас было семь комендантов. И там периодически появлялись немцы, один раз во время совещания три коменданта ближних деревень были застигнуты немцами и расстреляны. А к Морозовке, где была я, немцы боялись приближаться, так как на пути были другие деревни, в которых были партизаны. В 1944 г. при отступлении немцы нас блокировали. Вокруг нас с четырех сторон зажгли лес, и мы не знали куда деться. Мы бегали по лесу. Я оказалась с двумя девочками из Лунинской бригады. Нам дали паек-сухари. У меня был обрез винтовки, у которого была очень сильная отдача и я берегла его. У нас не было воды, мы пошли искать ручей. Девочки боялись моей винтовки, т.к. без оружия мы могли сойти за местных жителей, а с оружием могли быть только партизаны. Мы закопали винтовку, так как местные жители боялись вооруженных людей. Мы нашли ручей. Потом мне дали пистолет без единого патрона.

Сколько времени Вы пробыли в партизанском отряде?

С 1942 по 3 июля 1944 года я была в партизанском отряде, а потом мы соединились с частями Красной армии. После этого нас попросили чистить леса. Немцы

рассредоточились по лесам, особенно полицаи, они жили в наших землянках, а мы их выискивали. Это продолжалось примерно неделю. Из-за этого я не попала на парад освобождения в Минске. Позднее я пришла в Минск, нас, всех партизан Белоруссии собрали в штабе партизанского движения в Лошице, пригороде Минска. Сразу же меня с несколькими девушками взяли на работу. Мы были секретарями, выдавали талоны на обед, ужин и т.д., каждому нужно было выдать документы, характеристику. Франц Дворак, мой командир, сказал мне, что поскольку я была с самого начала в отряде, я должна описать все подробности и пока я не описала для него все (он ведь не мог писать по-русски) он мне документы не выдал.

В 1944 г. позднее к нам приехал зам. Председателя горисполкома Минска. К этому времени уже многие разошлись кто-куда. У нашего руководства майора Кривошеева он попросил двух грамотных девушек для работы у него в приемной, он не хотел брать людей, которые были в оккупации. Вызвали меня и мою подругу Аллочку и нас забрали в горисполком.

Я вернулась в Минск, мы с Аллой работали в Городском Исполкоме, а поселили нас в гостинице. Так продолжалось несколько месяцев, потом мы стали просить какое-то жилье. Нам на двоих дали одну маленькую комнатку и кухню в первом этаже. Алла была из Кингессеппа, перед войной она работала по распределению в Минске. Война застала ее в Минске и там она работала у немцев в паспортном столе и стала выдавать партизанам паспорта, но кто-то об этом узнал, а Аллу вовремя предупредили, она успела уйти и таким образом остаться в живых.

Так мы прожили недолго вместе. Квартира моего дяди уцелела, в ней жил начальник КГБ. Меня туда не пустили. На квартире дедушки я нашла письма тети Поли, дяди Давида и Сали. Я узнала, что тетя Поля, жена дяди Давида, эвакуировалась и была в Башкирии. Из писем стало понятно, что они хотят вернуться домой. Я сделала им в Гор. Исполкоме вызов, для того чтобы приехать в Минск, где их квартира уцелела. Я думала, что мои родственники приедут, и мы какое-то время поживем в этой комнате все вместе. Но вдруг появилась еврейская женщина, хозяйка нашей квартиры с двумя маленькими детьми и прокурор Минска постановил пустить ее в нашу комнату. Нас с Аллой должны были выселить. Она оказалась очень человечной женщиной, вошла в наше положение, и в этой комнате оказались мы с Аллой и эта женщина с двумя маленькими детьми.

Я была в ужасе, куда я поселю тетю с детьми?

Мы с Аллой решили, что какое-то время мы поживем в исполкоме.

Тетя с детьми приехали где-то в декабре 1944 г. или в январе 1945 г. То, что я увидела, было ужасно. Я все рассказала тете, и мы с трудом поселили ее в ее бывшей квартире вместе с новыми жильцами.

Расскажите пожалуйста, как сложилась Ваша судьба позднее, как Вы решили переехать из Минска в Ленинград?

Ну, в Ленинграде жила мамина сестра, даже больше чем сестра, они с мамой близнецы. Я приехала в Ленинград и поступила в зубо-врачебную школу на зубо-врачебное отделение. Это был 1945 год. В 1946 году я вышла замуж, в 1947 году, будучи на втором курсе я родила сына.

Расскажите, пожалуйста, о Вашем муже.

Мой муж, Драпкин Вульф Яковлевич, родился 02.10.1921 года в Белоруссии в Городке, в возрасте 2х месяцев его привезли в Ленинград, здесь он окончил школу, его мать была домохозяйкой, не работала, а отец был директором большого магазина на Лиговке в доме Перцева. Всю блокаду он был в Ленинграде, а семью отправил в эвакуацию. У мужа был

еще брат и две сестры. Перед войной он окончил военное училище связи, получил назначение на Дальний Восток и войну встретил в поезде, когда ехал по назначению. Всю войну он служил в Иране, в Средней Азии. Там он переболел брюшным тифом и малярией и подорвал свое здоровье. В 1945 году он приехал в Ленинград и поступил в военную академию радиоэлектроники им. Буденного. В 1946 году мы познакомились в доме моей тети, куда мой будущий муж пришел по делу со знакомой моей тети. И он и я окончили первый курс и летом у нас была свадьба. 9 мая 1947 года в день победы я родила сына Александра.

Расскажите пожалуйста, как у Вас проходила свадьба?

Моя свекровь была верующим человеком и свекровь сказала, что она признает только хупу, а в то время сделать хупу было равносильно самоубийству, муж был в академии, членом партии. Было просто страшно. Но все-таки муж решился, я не была против, потому что так хотела свекровь. Это было 9 или 10 августа. Был выходной день, родственники поехали куда-то в Сестрорецк или Зеленогорск, привезли раввина, открыли малую синагогу, и там у нас была хупа. Так что свадьба была и по еврейской традиции и по советским правилам. Между прочим, мой сын прошел обряд обрезания тоже по настоянию свекрови. Но, к сожалению, 27 июня 1949 года муж скоропостижно умер. Это произошло в трамвае. Он сказал, что ему плохо и все.

Жили мы вместе с его родителями еще 3 года. Его родители потеряли двух сыновей, на фото, которое я Вам дала, муж с братом сфотографированы в Москве на сборах связистов.

В 1948 году я закончила учебу.

Расскажите, пожалуйста, о сыне.

Мой сын - Александр Вульффович Драпкин родился нормальным хорошим мальчиком. Одиннадцать месяцев я просидела с ребенком, а затем стала работать в 8-ой детской поликлинике, потом меня переводили в разные поликлиники, но я ни разу не увольнялась, так и проработала 35 лет непрерывно до 60 лет, до 1985 года. Потом я ушла на пенсию

Расскажите, пожалуйста, о втором муже.

В двадцать пять лет я осталась вдовой, жила с сыном, воспитывала его, работала и до 1960 года замуж не выходила. В 1959 году я познакомилась с Лейбом Беровичем Свердлиным. У него умерла жена, и он остался с двумя сыновьями Вадимом, 1934 г. рождения, к сожалению, он уже семь или восемь лет как умер, и Сашей 1944 г. рождения. По специальности он был строителем. Отец второго мужа был раввином в Полоцке, в Белоруссии, где и родился мой муж. Познакомились мы в квартире моей подруги, Эти Гордман, она жила вместе с сестрой моего второго мужа. В этой квартире, на Литейном, мы с ним и познакомились. В январе 1960 года мы зарегистрировали брак. Свадьбы у нас не было. У нас была семья: мы с мужем и три сына. К этому времени Вадик был уже женат. Он переехал в мою комнату, а я с сыном к мужу, но Вадик все время у нас пропадал. Младший сын мужа, Саша, и мой сын, тоже Саша, сразу подружились и очень дружны до сих пор, все праздники они всегда вместе. Сейчас у всех у них свои семьи, дети, а у меня внуки. У старшего Саши еврейская семья. Мой внук 1975 года рождения.

Внучка, дочь моего сына, 1975 года рождения, живет в США с мамой и дедушкой, она не замужем. Они уже 20 лет в США в Калифорнии. Внучку я вижу редко. У сына другая семья, он воспитывает сына своей второй жены.

Со вторым мужем мы прожили 28 лет, его не стало в 1988 году от инсульта. Он работал до 70 лет.

Когда я ушла на пенсию из детской 6-ой стоматологической поликлиники, и мы переехали в Невский район в эту квартиру, я работала в детской стоматологической поликлинике в Невском районе и проработала 10 лет, пять лет у кресла, а потом на профилактике, обследовала школы и детские сады.

Расскажите, какие еврейские традиции соблюдались в Вашей второй семье, когда Вы и Ваш второй муж были еще в зрелом возрасте?

Все 28 лет совместной жизни со вторым мужем мы отмечали Йом Кипур, Песах. В доме была маца, фаршированная рыба, кура. Конечно, мы не строго следовали традиции, но старались как-то отмечать эти праздники.

Серьезно изучать традицию я стала только сейчас, поскольку в советское время мы были оторваны от этого. Очень жаль, что я не знаю иврит, идиш я немного знаю, лучше понимаю, чем говорю. Ведь у евреев Украины и евреев Белоруссии и Литвы разные наречия. Сыновья стали постарше, осознали себя евреями, иногда ходят в синагогу, в день смерти второго мужа заказывают кадиш.

Каковы Ваши отношения с общиной?

Каждую субботу я езжу в синагогу. Никакой помощи я не получаю, так как я инвалид войны, у меня хорошая пенсия. Я получила от Швейцарии и от Германии все, что было положено узникам гетто.